

## ГЛАВА СОРОКОВАЯ,

повествующая о том, как дух по прозвищу Красный ребенок смутил сердца, отрекшиеся от мира, и как обезьяна возвратила Чжу Ба-цзе на путь Истины

Итак, Великий Мудрец вместе со своими братьями спустился на облаке прямо во дворец. Все придворные, выстроившись в ряд, почтительно кланялись, выражая свою благодарность за совершенное ими благодеяние. Сунь У-кун подробно рассказал историю о том, как бодисатва вернул к себе волшебника. Выслушав ее, придворные стали еще усерднее кланяться. И вот как раз в тот момент, когда все радостно поздравляли друг друга, один из придворных доложил, что ко дворцу подошли четыре монаха.

— Дорогой брат, — встревоженно сказал Чжу Ба-цзе. — Тут что-то неладно. Вероятно, волшебник принял вид Манджутры бодисатвы, чтобы надуть нас, а теперь, превратившись в монахов, явился сюда.

— Черт возьми! — воскликнул Сунь У-кун и приказал ввести монахов.

Приказ был выполнен. Когда монахов ввели во дворец, Сунь У-кун сразу узнал их: это были монахи из монастыря Баолинь. Они принесли одеяние императора — головной убор, яшмовый пояс бирюзового цвета, красный халат и парадные туфли.

— Как замечательно, что вы пришли! — воскликнул Сунь У-кун и предложил императору, одетому в платье слуги, облачиться в императорское одеяние.

Затем он велел наследнику принести императорский жезл из белой яшмы, вручил его императору и пригласил его взойти на трон. Недаром еще в древности говорили: «Императорский трон ни на один день не может оставаться без правителя».

Однако император ни за что не соглашался взойти на трон. Со слезами на глазах он опустился на колени и сказал:

— Я три года был мертв и лишь благодаря милости вашего учителя вернулся к жизни. Как же могу я сейчас принимать такие почести? Я готов признать вашего учителя императором, а сам возьму жену, поселюсь где-нибудь за городом и буду жить как простой мирянин.

Трипитака, все помыслы которого были направлены на служение Будде, не мог, конечно, согласиться занять столь высокое положение. Тогда император обратился к Сунь У-куну.

— Не буду обманывать вас, господа, — отвечал улыбаясь Сунь У-кун. — Если бы я захотел стать императором, то мог бы занять трон в любом из многочисленных государств девяти континентов Поднебесной. Но мы привыкли к нашей беспечной монашеской жизни. Император должен отращивать волосы, он не может ложиться спать с наступлением сумерек, должен подниматься в пятую стражу. Ему приходится выслушивать доклады и донесения с

границ, он никогда не знает ни покоя, ни отдыха. Его постоянно тревожат стихийные бедствия. Да разве смогу я привыкнуть ко всему этому? Нет уж, я лучше останусь монахом и буду продолжать свое самоусовершенствование.

Как ни отказывался император, ему все же пришлось взойти на трон. После этого он повернулся лицом к югу, провозгласил о своем возвращении, а также о помиловании всех преступников в стране и щедро одарил монахов из монастыря Баолинъ. Затем был открыт Восточный дворец и устроено великолепное пиршество в честь Трипитаки. Император приказал вызвать во дворец художника и велел ему написать портреты Трипитаки и его учеников, которые и повесили в приемном зале. Как только в стране воцарился порядок, Трипитака решил не задерживаться и заявил о своем желании распрощаться с государем и тотчас же двинуться в путь. Император, императрица, наследник и все придворные, в знак благодарности за оказанные милости, преподнесли Трипитаке самые лучшие драгоценности, какие только были в стране; золото, серебро, шелка. Но Трипитака решительно отказался от всего и стал торопить учеников собираться в дорогу. Когда все было готово, Трипитака сел на коня. Император, очень огорченный его отъездом, приказал заложить карету специально для Трипитаки. Впереди, двумя рядами шествовали гражданские и военные сановники. Сам император вместе с императрицей и наследником шли рядом. И лишь когда вся процессия миновала окрестности города, карета остановилась, и Трипитака вышел проститься со всеми.

— Учитель, — сказал ему император, — когда вы будете возвращаться из Индии, умоляю вас, заезжайте к нам.

— Постараюсь выполнить вашу волю, — отвечал Трипитака.

Император не мог сдержать слез. Сопровождаемый сановниками, он вернулся в город. А четыре монаха, охваченные одним желанием достичь горы Лишань и поклониться Будде, вышли на дорогу и двинулись вперед. Осень близилась к концу, начиналась зима.

Выпал иней, покраснели листья,

Еле держатся на ветках голых,

Вовремя дожди вспоили поле,

И теперь хлеба желтеют в долах.

На вершинах, обогретых солнцем,

Яркие цветы раскрыла слива,

Лишь бамбук шатается под ветром,

Слабый шелест слышится тоскливо.

Уже более полумесяца прошло с тех пор, как Трипитака со своими учениками покинули страну Уцзиго. Как и прежде, они начинали свой путь на рассвете и лишь на ночь делали остановку. И вот однажды перед ними вдруг выросла огромная гора, которая, казалось, упиралась в небо и

закрывала солнце. Трипитака встревожился, остановил коня и подозвал Сунь У-куна.

— Что прикажете, учитель? — спросил тот.

— Ты взгляни, — сказал Трипитака, — опять перед нами горы. Надо быть наготове. Возможно, здесь водятся злые духи.

— Не беспокойтесь, учитель, — сказал, улыбаясь Сунь У-кун. — Я сумею защитить вас.

Трипитака успокоился, подстегнул своего коня и вскоре очутился на вершине горы. Отсюда были видны крутые обрывы и утесы.

Коснулись неба горные вершины:

Судите же, какая вышина!

И глубоки ущелья и долины:

Судите же, какая глубина!

Когда потоки, что по ним стремятся,

В подземном царстве, в темноте роятся.

Всегда предгорье в дымке прихотливой,

А выше темный стелется туман,

Как изумруд — бамбук; краснеет слива,

И на площадку в миллионы чжан,

Роями Духи весело слетают

Они в пещерах здешних обитают.

Внизу кипучий бег потоков горных;

В пещерах дивных — вечный плеск воды.

Здесь скачут стаи обезьян проворных,

Несущих в лапах спелые плоды

А к вечеру выходит тигр рычащий,

Внушая ужас задремавшей чаще.

Охотника увидев, от испуга

Глупеет и теряется сайга.  
Вот на опушке, над травой луга,  
Поднял олень ветвистые рога,  
А на рассвете из речного лона  
Уж выступает чешуя дракона.  
И тихо к зачарованной пещере  
Дракон в прозрачном сумраке ползет,  
Но вдруг пред ним захлопывают двери —  
От грохота трясется небосвод,  
Взлетают ввысь испуганные птицы,  
И все живое мечется и мчится.  
Зверей и птиц такое изобилие,  
Что человек испуган и смущен,  
Пред множеством зверей свое бессилье  
С тревогой тайной ощущает он.  
И вдруг восторгом вспыхивают взоры  
«И впрямь пещеры духов!. Ну, и горы!»  
Оттенки яшм в граните горном есть,  
Леса... Леса... Над ними туч не счесть.

И вот, когда Трипитака и его ученики стояли, пораженные этой картиной, из ущелья неожиданно вырвалось красное облако: оно взметнулось прямо в девятое небо и здесь превратилось в пламя. Сунь У-кун насмерть перепугался. Он подбежал к Трипитаке, схватил его за ноги и стащил с коня.

— Братья! — крикнул он. — Стойте! Волшебник!

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн тоже переполошились: один схватился за грабли, другой стал бешено вращать мечом; они приготовились защищать Танского монаха.

Здесь наш рассказ пойдет по двум направлениям. Итак, в пламени действительно находился злой дух. Еще несколько лет назад он слышал о том, что из Китая в Индию за священными книгами отправился Танский монах, слышал он также и о том, что монах этот был человеком

высокой добродетели, является перевоплощением Цзинь-чана и целых десять поколений совершенствовал себя. Говорили еще, что будто бы тот, кто поест мяса этого монаха, обретет бессмертие, будет вечным, как небо и земля. И вот этот дух каждый день с нетерпением ждал Танского монаха — и наконец дождался. Находясь в воздухе, он увидел, что ученики Танского монаха окружили своего учителя и готовы защитить его. Глядя на них, волшебник раздумывал:

«Белолицый и толстый, тот, что едет верхом на коне, конечно, и есть Танский монах. Каким же образом он вдруг очутился под охраной этих чудовищ, сжимающих в своих лапах оружие? Они так и рвутся в бой! Кто же из них обладает такой магической силой, что распознал меня? Видимо, не суждено мне полакомиться мясом этого монаха!»

Он долго стоял в нерешительности и все соображал, как ему быть.

«Если я буду рассчитывать только на собственные силы, — наконец решил он, — то нечего и думать, что я поймаю его. Без обмана тут не обойтись. Попробую-ка я спуститься на землю и поймать их на удочку».

И вот наш чудесный дух, рассеяв окружавшее его огненное сияние, опустился на склон горы и, встряхнувшись, превратился в семилетнего мальчугана. Он был совершенно нагой.

Связав себя веревкой по рукам и ногам, он повис на ветке сосны и закричал:

— Караул! Спасите!

Между тем, увидев, что красное облако рассеялось и никакого пламени уже нет, Сунь У-кун сказал:

— Поедемте дальше, учитель.

— Ты же сказал, что видел духа, — возразил Трипитака, — как же можно ехать дальше?

— Я действительно видел, как вверх взвилось красное облако, которое в воздухе превратилось в пламя, — сказал Сунь У-кун. — Это, несомненно, был дух. Но сейчас облако рассеялось. Я думаю, что дух живет не здесь, просто он случайно пролетал над этой горой и никакого ущерба нам не причинит. Поэтому мы можем спокойно двигаться дальше.

— Не то ты говоришь, брат, — сказал Чжу Ба-цзе. — Почему ты думаешь, что этот дух случайно пролетал здесь?

— Ничего ты не знаешь, — отвечал Сун У-кун. — Предположим, дух — властитель какой-нибудь пещеры задумал устроить пир и пригласил духов всех окрестных пещер. Духи, конечно, приняли приглашение, и по дороге мысли их были заняты только пиром. Тут уж им, конечно, не до того, чтобы наносить вред людям. Вот почему я и думаю, что дух этот оказался здесь

случайно.

Слушая их разговор, Трипитака не знал, кому верить. Но все же он решился сесть на коня, и они отправились дальше. Однако, пройдя немного, они неожиданно услышали крик:

— Спасите!

— Ученики мои, — промолвил испуганный Трипитака, — кто может кричать в этих горах?

— Продолжайте свой путь, учитель, и не связывайтесь с какими-то носилками<sup>1</sup>. Если бы даже здесь и нашлись носилки, все равно некому было бы нести вас.

— Да не о носилках я говорю. Я сказал, что кто-то кричит!

— Знаю, знаю, — улыбаясь, отвечал Сунь У-кун. — А вы не обращайте внимания на пустяки и продолжайте свой путь.

Трипитака послушно подстегнул коня. Однако не проехал он и одного ли, как снова послышался крик:

— Спасите!

— Ученик мой, — сказал тогда Трипитака, — это не духи. Если бы это кричал дух, тогда он крикнул бы один раз, и эхо не откликнулось бы. Вероятно, с кем-нибудь приключилась беда. Нужно помочь.

— Вот что, учитель, — сказал на это Сунь У-кун. — Воздержитесь пока от сострадания и милосердия. Вот когда перейдем эту гору, можете снова проявлять свои чувства. Эти места сулят скорее несчастья, нежели добро. Вы слышали о том, что любой предмет в этих местах может превратиться в духа. Однако никакие твари не страшны, а есть только одна змея — питон, так вот она путем длительного самоусовершенствования превратилась в волшебника и обладает способностью принимать образ маленьких детей. И вот, когда она кричит или зовет на помощь, ни в коем случае не следует отзываться, так как стоит только кому-нибудь отозваться на ее зов, как она тотчас же завладевает духом этого человека и ночью непременно погубит его. Продолжим наш путь. Не зря в старину говорили: «Если вам удастся избежать беды, благодарите богов». Мой вам совет: не обращайте внимания на эти крики.

Трипитаке ничего не оставалось, как послушаться совета своего ученика. Между тем Сунь У-кун стал размышлять:

«Где этот дух может сейчас находиться? Ведь он продолжает звать на помощь. Ну-ка, применю я способ превращения в невидимку. Сделаю так, чтобы он ничего не видел».

Тут наш чудесный Великий Мудрец подозвал Ша-сэна:

— Возьми поводья и иди потихоньку вперед, — сказал он, — а я отлучусь по малой нужде.

Он пропустил Трипитаку вперед, а сам произнес заклинание. Затем отвел свой посох назад, и Трипитака с учениками сразу же очутился по ту сторону горы. Сунь У-кун же, оставив таким образом духа позади, что было мочи бросился догонять Трипитаку. Между тем снова раздалось: «Спасите!» Однако крик теперь уже доносился из-за горы.

— А ведь кто-то действительно попал в беду, — сказал Трипитака. — Только этому человеку не повезло. Мы оставили его далеко позади. Слышите, крики доносятся теперь из-за горы.

— Нет, вовсе не из-за горы, — сказал тут Чжу Ба-цзе. — Просто ветер относит его голос.

— Это совершенно неважно, — вмешался Сунь У-кун. — Идите вперед — и все.

После этого никто больше не заговаривал, и они наконец перешли гору. Однако рассказывать об этом мы не будем.

Вернемся лучше к духу. Итак, на его зов никто не откликнулся.

«Почему же Танский монах до сих пор не пришел? — раздумывал он, — ведь он был не более чем в трех ли отсюда. Неужели они сократили путь и прошли стороной?»

Он встряхнулся, освободился от веревок и на огненном луче взвился вверх, чтобы осмотреться. В этот момент Великий Мудрец обернулся и, убедившись в том, что тут действует злой дух, подбежал к Трипитаке, стащил его с коня и крикнул:

— Братья! Осторожнее! Дух снова появился!

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн в один момент приготовились защищать своего учителя. А волшебник, оглядев все кругом, не переставал удивляться.

— Ведь я только что видел этого монаха на коне. Зачем же они снова скрыли его от меня? Ну, сейчас я все узнаю. Прежде всего надо покончить с тем из них, который обладает волшебной силой провидения. Тогда я без труда поймаю монаха. Иначе все мои старания окажутся напрасными.

Он снова спустился на облаке вниз, проделал такое же превращение, как и в первый раз, повис на ветке сосны и стал дожидаться паломников. Только на этот раз он находился не более, чем на половину ли от них.

Между тем, заметив, что красное облако, как и в первый раз, рассеялось, Сунь У-кун попросил учителя сесть на коня и ехать дальше.

— Да ведь ты только что сказал, что волшебник снова появился, — возразил Трипитака, — как же я могу ехать дальше?

— Все же я думаю, что он появился здесь случайно, — сказал Сунь У-кун, — и не осмелится тревожить вас.

— Вот несчастная обезьяна, — рассердился Трипитака, — ты, что же, издеваться надо мной вздумал? Когда есть дух, ты говоришь, что ничего нет. Когда все спокойно, — начинаешь запугивать нас. Шумишь, шумишь, а толку мало. Ни с чем не считаешься, хватаешь меня за ноги, стаскиваешь с коня, а теперь болтаешь всякую ерунду. Хорошо еще, что ты не выдернул мне ногу. Да ведь это же... просто не знаю, как и назвать.

— Вы не бранитесь, учитель, — произнес Сунь У-кун. — Предположим, что я повредил бы вам руку или ногу, вас ведь можно было бы вылечить. А вот если бы волшебник утащил вас, что стали бы мы делать?

Эти слова окончательно вывели Трипитаку из терпения. Глаза у него округлились от злости, и он хотел уже читать заклинание о сжати облуча, но Ша-сэнь отговорил его. Успокоившись, Трипитака сел на коня и поехал дальше.

Однако не успел он усесться в седле, как снова услышал крик: «Учитель, спасите!» Перед глазами Трипитаки, на сосне, совершенно голый, висел мальчик. Трипитака остановил коня.

— Что за жестокая, бессердечная обезьяна! — возмутился он. — В ней нет ни капли доброты. Все ее помыслы только и устремлены на то, чтобы творить зло. Ведь говорил я, что кричит человек, так этот негодяй всячески старался уверить меня в том, что это злой дух. Взгляни теперь сам, кто, потвоему, висит на дереве?

Сунь У-кун стоял, опустив голову, не решаясь что-нибудь предпринять или хотя бы возразить, так как боялся, что Трипитака снова начнет читать заклинание о сжати облуча. Молчал он и тогда, когда Трипитака подъехал к дереву.

— Ты откуда? — спросил Трипитака, указывая на мальчика кнутом, — и почему висишь на дереве? Скажи, что случилось, я помогу тебе.

Бедный Трипитака! Перед ним был злой дух. Но откуда мог он знать это? Ведь он был простым смертным. А дух, обрадовавшись, что Трипитака заговорил с ним, со слезами на глазах сказал:

— Учитель, к западу от этой горы есть горный поток Сухой сосны. По ту сторону его расположено селение. Там я и живу. Фамилия моего покойного дедушки Хун. Он накопил

много денег, нажил добра, и за это его прозвали богачом-миллионером. Потом он умер, и после смерти все его состояние досталось моему отцу. Ну, а отец стал кутить, и богатство его начало понемногу уменьшаться, поэтому его и прозвали Хун-стотысячник. Он завязал обширные знакомства и начал раздавать деньги в долг в надежде нажиться на процентах. Кто мог знать, что эти бродяги не только не заплатят ему процентов, но и не вернут взятых займы денег. Таким образом, он не только не разбогател, но лишился еще своих собственных денег. После этого отец торжественно поклялся не давать больше займы ни одного фэня. Это поставило в безвыходное положение людей, нуждающихся в деньгах. Они организовали шайку и среди бела дня до нитки разграбили наш дом. Отца убили. А мать, красивую женщину, увели с собой, чтобы сделать ее женой своего главаря. Мать ни за что не хотела расставаться со мной. Дрожа от страха и горько плача, она прижала меня к своей груди, и мы последовали за разбойниками. Так мы и очутились на этой горе. Разбойники хотели убить меня, и лишь благодаря мольбам матери я остался жив. Меня связали и подвесили на дерево, чтобы я умер здесь от голода или холода. Куда разбойники увели мать, не знаю. Вот уже три дня и три ночи я нахожусь здесь. И за это время не видел ни одного человека. Не знаю даже, в каком перерождении я совершил заслуги, за что мне выпало счастье встретиться с вами, почтенный учитель. Если вы пожалеете меня, спасете и вернете домой, я жизнь свою не пожалею отдать за вас. Пусть даже желтый песок покроет мое лицо, я и тогда не забуду милости, оказанной вами.

Трипитака принял все сказанное за правду и приказал Чжу Ба-цзе освободить мальчика от веревок. Дурень, тоже ничего не понимавший, хотел приняться за дело, но Сунь У-кун не стерпел и крикнул:

— Ах ты, низкая тварь! Здесь ведь есть такие, которые знают тебя! Перестань обманывать людей! Если все ваше имущество разграблено, как ты говоришь, отца твоего убили, а мать увели, кому мы передадим тебя? И как отблагодаришь ты нас за свое спасение? Твои слова очень не похожи на правду.

Дух струсил. Он понял, что Великий Мудрец обладает большими способностями, и решил не забывать об этом. Однако весь дрожа, со слезами на глазах, он продолжал:

— Учитель! Я действительно лишился родителей и имущество наше разграблено, однако у нас осталась земля и живы все родственники.

— Какие же у тебя есть родственники? — спросил Сунь У-кун.

— Дед, отец моей матери, живет к югу от горы, — сказал на это дух. — Тетка, сестра отца, — на северной стороне. Ли-сы, дядя, брат матери, живет в верховьях потока. Дядя по отцу, Хун-сань живет в лесу. Кроме того, недалеко от нашего селения живут мои двоюродные дяди и двоюродные братья. Если только вы спасете меня, учитель, вы сможете навестить нас и повидать всех моих родственников. Я расскажу им, что вы спасли меня, они заложат часть земли и щедро отблагодарят вас.

Тут в разговор вмешался Чжу Ба-цзе, который сказал Сунь У-куну:

— Дорогой брат! Ведь это ребенок, что ты пристаешь к нему с расспросами? Ну да, их ограбили, но не могли же разбойники унести с собой дом и землю. Если он расскажет своим родственникам о том, что мы спасли его, то какие бы у нас ни были огромные желудки, нам не съесть даже того, что стоят десять му земли. Конечно, надо спасти его.

Здесь следует вам напомнить, что больше всего в жизни Дурень любил поесть и ничем, кроме этого, не интересовался. И вот он подскочил к дереву и, разрезав кинжалом веревки, освободил мальчика. А тот опустился перед Трипитакой на колени и со слезами на глазах отбивал поклоны. Будучи человеком мягкосердечным, Трипитака сказал:

— Садись, мальчик, на коня, я тебя подвезу.

— Учитель, — отвечал дух, — от того, что я долго висел, у меня онемели руки и ноги и поясницу ломит, так что мне трудно будет сидеть на коне. К тому же мы, деревенские, не привыкли ездить верхом.

Тогда Трипитака приказал Чжу Ба-цзе посадить мальчика себе на спину и нести. Дух потерял глаза и снова сказал:

— У меня все тело в ссадинах, и я боюсь садиться этому господину на спину. У него слишком длинная морда и огромные уши. К тому же на загривке у него жесткая щетина, и он может искалечить меня.

— Ну, тогда неси его ты, — приказал Трипитака Ша-сэну.

— Учитель, — сказал дух и снова потерял глаза, — у разбойников, которые ограбили наш дом, были раскрашенные лица и фальшивые бороды и усы. В руках они держали кто посох, кто кинжал. Они до смерти напугали меня. И вот сейчас, когда я увидел этого темнолицего господина, душа у меня ушла в пятки. Нет, я не хочу, чтобы он нес меня.

Тогда Трипитака велел Сунь У-куну нести мальчика.

— Что ж, ладно, я понесу его, — посмеиваясь, сказал Сунь У-кун.

Дух очень обрадовался и охотно согласился сесть Сунь У-куну на спину. Сунь У-кун отвел духа в сторону, поднял его и тут же определил, что тот весит примерно три цзиня с лишним.

— Ах ты гнусный оборотень, — улыбаясь, сказал Сунь У-кун. — Сегодня твой последний день. Как же ты осмелился при мне проделывать свои штуки. Я ведь знаю, что ты за птица.

— Не понимаю, что значат ваши слова, я из хорошей семьи, — отвечал дух. — И вот сейчас только попал в беду.

— А почему ты так мало вешишь? — спросил Сунь У-кун.

— Да потому, что я еще маленький, — отвечал дух.

— Сколько же тебе лет?

— Семь.

— Если бы каждый год ты прибавлял хоть по цзиню, — рассмеялся Сунь У-кун, — то и тогда ты весил бы семь цзиней. А в тебе нет и четырех. Как же так?

— Это потому, что я младенцем не сосал грудь, — отвечал дух.

— Ну ладно, — согласился Сунь У-кун. — Так и быть, понесу тебя. Только смотри, захочешь оправиться, скажи мне.

После этого Трипитака с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном двинулись вперед, а Сунь У-кун, неся мальчика на спине, шел за ними. Так они продолжали свой путь на Запад. Об этом даже сложены стихи:

Высока добродетель,

Искушение Мо велико;

В заклинаньях буддийских

Могучая сила таится:

Хоть смятенному духу

Они доставляют покой,

Но и сонмище духов

От тех заклинаний рождается.

Ум был честен

И шел срединным

И правым путем,

Неразумна природа,

И ноги сходили с дороги;

Мысль, желаньем объята,

Помчалась горячим конем,  
А душа промолчала,  
Охвачена чувством тревоги.  
Но напрасно злой дух,  
Исполняя желанья свои,  
Торжество предвкушал,  
И, казалось, был близок к победам —  
Он монахами был  
Уничтожен тогда на пути,  
Этот демон, идущий всегда  
За подвижником следом.

Сунь У-кун шел со своей ношей и мысленно ругал Трипитаку. С какой стати он заставил его нести на себе этого мальчугана? Ведь дорога здесь и так трудная, все время взбираешься по отвесным скалам, а тут еще тащи на себе тяжесть. Предположим, что это не дух, но ведь все равно — ни отца, ни матери у него нет, куда нести его? Самое лучшее — это прикончить его. Однако дух сразу же разгадал намерения Сунь У-куна и пустил в ход волшебство. Повернувшись четыре раза, он сделал четыре вдоха, а затем все это выдохнул на спину Сунь У-куну. Великий Мудрец сразу же почувствовал на спине груз в тысячу цзиней.

— Слушай, сынок, — смеясь, сказал Сунь У-кун. — Так ты раздавишь меня, твоего отца.

Дух испугался, как бы Сунь У-кун не причинил ему какого-нибудь вреда, освободился от своей оболочки и вознесся на девятое небо. От этого ноша Сунь У-куна стала еще тяжелей. Царь обезьян рассвирепел. Подбежав к краю дороги, он схватил тело, в котором находился дух, изо всех сил швырнул его на камень и расплющил в лепешку. Однако, считая, что этого недостаточно, он вырвал у него ноги и руки и все тело по частям разбросал по краям дороги. Наблюдавший за всем этим с высоты дух, не мог сдержать вспыхнувшего в нем гнева.

«Очень уж разошлась эта обезьяна, — думал он. — Ну, пусть я злой дух, пусть замышлял погубить твоего учителя, но ведь я все равно не знал, как это сделать. С какой же стати ты так жестоко обращаешься со мной? Хорошо, что я вовремя освободился от своей оболочки. Иначе не миновать бы мне гибели. Но если сейчас упустить момент и не поймать Танского монаха, то больше рассчитывать уж не на что».

Тут наш чудесный волшебник поднял такой ураган, что песок и камни закружились в воздухе. Это была поистине ужасная картина:

Ветер гневно закружился,  
Смрад рождая в облаках,  
И туман взметнулся темный,  
Над дорогой взвился прах.  
Вырывал деревья ветер  
На высоком гребне скал  
И песком слепил прохожих —  
Им проходу не давал  
И чудовищные камни  
Грохотали тяжело.  
Страшной силой этой бури  
Их по воздуху несло  
Как же можно было людям  
Успокоиться в пути?  
Непроглядный мрак спустился,  
И дороги не найти.  
В страхе — птицы, в страхе — звери  
Этой горной стороны,  
Их отчаянные крики  
Были издали слышны.

Трипитака не в силах был удержаться в седле, но Чжу Ба-цзе не видел этого — мешал бешеный ветер, Ша-сэн же опустил голову и закрыл лицо руками. Сунь У-кун знал, что все это проделки волшебника. Он ринулся вперед, но в этот момент волшебник схватил Танского монаха и исчез с ним в неизвестном направлении.

Вскоре ветер утих и засияло солнце. Сунь У-кун прошел еще немного вперед, но увидел только белого коня-дракона. Конь дрожал всем телом и испуганно всхрапывал. Коромысло с вещами валялось на дороге, а Чжу Ба-цзе, спрятавшись под скалой, жалобно плакал. Ша-сэн сидел на корточках на склоне холма и звал на помощь.

— Чжу Ба-цзе! — крикнул Сунь У-кун.

Дурень поднял голову и только теперь заметил, что ураган утих. С трудом поднявшись на ноги, он схватил Сунь У-куна за полу одежды.

— Дорогой брат, — произнес он, — какой налетел страшный ветер!

— Да, это был настоящий ураган, — сказал подошедший в этот момент Ша-сэн. — А где же учитель?

— Когда началась буря, — сказал Чжу Ба-цзе, — мы постарались укрыться и поплотнее закрыть лицо и глаза. Учитель в это время тоже пригнулся к гриве коня.

— Но где он может быть сейчас? — спросил Сунь У-кун.

— Он настолько легкий, что, кажется, будто сделан из травы, которая идет на изготовление ламповых фитилей, — проговорил Ша-сэн, — его, видимо, унесло ветром.

— Ну, вот что, братья мои, — сказал Сунь У-кун. — Пусть каждый из нас пойдет своей дорогой.

— Совершенно верно, — подхватил Чжу Ба-цзе, — и чем скорее, тем лучше. Это будет просто замечательно! Когда это еще мы пришли бы на Запад! Этому пути не видать ни конца ни края.

Но Ша-сэн пришел в ужас и от страха даже оцепенел.

— Да что это вы говорите, братья? — воскликнул он. — За грехи, содеянные нами в прошлой жизни, мы понесли наказание и лишь благодаря милости бодисатвы Гуаньинь спаслись. Мы приняли монашеский обет, получили монашеские имена и посвятили себя служению Будде. Мы сами изъявили желание сопровождать Танского монаха на Запад, чтобы хоть этим искупить свои грехи. Как же можно сейчас все это бросить и разойтись? Так-то мы отблагодарим бодисатву за оказанную нам милость? Мы поступим против собственной совести, и люди станут над нами смеяться. Будут говорить, что мы не сумели довести дело до конца.

— Пожалуй, ты прав, брат, — промолвил Сунь У-кун. — Но что поделаешь? Ведь учитель и слушать не хочет, когда ему даешь какой-нибудь совет. Я своими огненными глазами вижу все: и добро и зло. Знаете, кто поднял ураган? Мальчишка, который висел на дереве. Я знал, что это волшебник, а вот вы и учитель считали, что это ребенок из хорошей семьи. Да еще заставили меня нести его. Я уж совсем было приготовился покончить с ним, а он прибег к волшебству, увеличил свой вес и чуть было не задавил меня. Тогда я решил стукнуть его о камень, но он освободился от своей оболочки и, покинув тело мальчика, исчез в воздухе. Потом он вызвал бешеный ветер и похитил учителя. А учитель никогда не хотел слушаться моих советов. Вот за это я и зол на него. Теперь у меня пропал всякий интерес к этому делу. Поэтому я и предложил каждому пойти своей дорогой. Но ты, Ша-сэн, своей искренностью и твердым стремлением идти к намеченной цели, заставил меня устыдиться. А ты, Чжу Ба-цзе, как думаешь поступить? — закончил он.

— Я, — сказал Чжу Ба-цзе, — конечно, сболтнул лишнее. А на самом деле считаю, что нам, конечно, нельзя расходиться. Как бы там ни было, мы должны делать так, как говорит брат Ша-сэн: отправиться на поиски волшебника и спасти учителя.

Сунь У-кун перестал сердиться и весело сказал:

— Ну, братья, давайте действовать дружно! Берите вещи, коня и пойдем.

Они обшарили па расстоянии семидесяти ли вокруг все заросли, горы и реки, однако никаких следов волшебника не нашли. В этих горах не было ни зверей, ни птиц. То тут, то там попадались старые кипарисы и высокие сосны. Неудача не на шутку встревожила Сунь У-куна. Он напрягся всем телом и прыгнул на самый высокий пик. Здесь он крикнул: «Изменись!» — и сразу же превратился в существо с тремя головами и шестью руками. Точно такой вид он принял, когда учинил в небесных чертогах дебош. Затем он схватил свой посох, помахал им, и тут же появилось три посоха. После этого он с шумом и грохотом стал метаться из стороны в сторону, размахивая своим посохом и колотя им куда попало.

— Плохи дела, брат Ша-сэн, — сказал Чжу Ба-цзе, увидев это, — Сунь У-кун совсем рассвирепел.

Между тем, орудуя своим посохом, Сунь У-кун согнал целую толпу духов. Они так торопились, что не успели даже как следует одеться. Некоторые были без штанов, другие не успели застегнуться. Примчавшись на гору, они опустили на колени и, обращаясь к Сунь У-куну, молвили:

— Великий Мудрец! Духи гор и земли явились по ва- шему приказанию.

— А почему вас так много? — удивился Сунь У-кун.

— Разрешите доложить вам, Великий Мудрец, — почтительно отвечали духи, кланяясь Сунь У-куну, — что эти горы называются горы Сверла на шестьсот ли. Через каждые десять ли есть один дух горы, а через следующие десять ли — дух земли. Таким образом у нас всего тридцать горных и тридцать земных духов. О том, что вы, Великий Мудрец, прибыли сюда, мы слышали еще вчера, но сразу не смогли собраться, поэтому и вышли встретить вас с опозданием. Мы виноваты перед вами, но умоляем вас быть снисходительным.

— Ну ладно, на первый раз прощаю, — сказал Сунь У-кун. — А теперь вот о чем хочу спросить вас. Сколько злых духов живет в этих горах?

— Отец наш! — воскликнули духи в ответ. — Да здесь живет всего один колдун. Он все отобрал у нас, даже ароматные свечи, и мы не можем теперь возжигать благовония. У нас нет ничего, чтобы совершать жертвоприношения. Мы не имеем одежды и живем впроголодь. А сколько духов он сожрал!

— Где же этот колдун обитает: у подножия горы или за горой? — спросил Сунь У-кун.

— И ни там, и ни тут, — отвечали духи. — В этих горах протекает поток, который называется поток Сухой сосны. Возле него есть пещера под названием Хоюньдун — пещера Огненных облаков. Вот в этой пещере и живет колдун. Он обладает огромной волшебной силой: постоянно забирает какого-нибудь из наших духов, заставляя его разводить огонь и открывать ворота. По ночам мы охраняем его, и за это он нам ничего не платит. А мы и заикнуться о деньгах не смеем.

— Ведь вы — духи темного царства, о каких же деньгах вы говорите? — удивился Сунь У-кун.

— У нас, конечно, нет денег, чтобы платить ему, — отвечали духи. — Поэтому мы вынуждены вылавливать для него горную сайгу, диких оленей и, кроме того, постоянно созывать духов. Если же мы ничего не можем словить, он избивает нас, разрушает кумирни, срывает с нас одежду, в общем, мы не имеем ни минуты покоя. Умоляем вас, Великий Мудрец, избавить нас от этого чудовища.

— Поскольку он ваш начальник, — сказал Сунь У-кун, — и вы живете около его пещеры, вам должно быть известно, откуда взялся этот дух и как его зовут.

— Да вы, Великий Мудрец, знаете его, — отвечали духи. — Он сын повелителя демонов ада Нью Мо-вана — князя с головой быка, вскормил его демон-людоед Ракша. В течение трехсот лет он совершенствовался на пламенной горе и достиг настоящего совершенства в созерцании. После этого Нью Мован отправил его охранять эти горы. Его детское имя — Красный ребенок. Прозвище: Великий князь — священный ребенок.

Сунь У-кун остался очень доволен их ответом и тут же приказал духам разойтись. Сам же он принял свой обычный вид и спустился на вершину горы.

— Ну, братья мои, — сказал он Чжу Ба-цзе и Ша-сэну. — Теперь вам не о чем больше тревожиться. Наш учитель останется цел и невредим, так как этот дух приходится мне родственником.

— Да перестань ты болтать, — с улыбкой сказал Чжу Ба-цзе — Ты родился в стране Дуншэншэньчжоу, а он живет в Синюхэчжоу. Эти страны разделяет огромное пространство, множество рек и гор, два океана. Как же он может быть твоим родственником?

— Духи, с которыми я только что разговаривал, живут здесь. Они — духи местных гор и земли. Я попросил их рассказать мне историю этого духа, и они сказали, что это сын Нью Мо-вана и что он вскормлен Ракшой, что его детское имя Красный ребенок, а прозвище Великий князь — священный ребенок. Тут я вспомнил, что пятьсот лет назад, когда я учинил буйство в небесных чертогах и бродил по всем знаменитым горам в поисках доблестных героев, этот самый Нью Мован побратался со мной и стал моим седьмым братом. Там было еще несколько повелителей демонов. И только потому, что я ростом мал, я называл этого Нью Мо-вана старшим братом. Ну, а поскольку этот дух является сыном Нью Мо-вана, а я был в хороших отношениях с его отцом,

то выходит, что я прихожусь ему дядюшкой. Как же он может нанести вред нашему учителю? Давайте сейчас же отправимся к нему.

— Вот что, брат, — с усмешкой сказал Ша-сэн. — Ведь недаром говорится, что «достаточно не встречаться с человеком три года, даже с родственником, и он становится тебе совершенно чужим». А ты с ним расстался пятьсот лет тому назад И за это время вы ни разу не встречались друг с другом, не пировали вместе, не посылали друг другу подарков. Почему же ты думаешь, что он должен признать тебя?

— Как странно ты судишь о людях, — отвечал на это Сунь У-кун. — Ведь говорит пословица: «Если листья водорослей неизбежно попадают в море, то люди тем более могут где-нибудь встретиться». Пусть даже он и не признает меня своим родственником, но вредить нашему учителю он, конечно, не станет. Может быть, он не пригласит нас попить, но нашего учителя он непременно освободит.

Все вместе они вышли на дорогу и двинулись вперед. Пройдя сто с лишним ли, они увидели сосновый лес. В лесу, извиваясь, протекал горный поток, пенились изумрудные воды. Через поток был перекинут каменный мост. На противоположном берегу находилась пещера.

— Видите, братья, каменную кручу на том берегу? Это, несомненно, жилище волшебника. Давайте решим: кто останется присматривать за вещами и конем, а кто пойдет вместе со мной усмирять духа?

— Ты же знаешь, брат, что я не люблю сидеть на одном месте, — сказал Чжу Ба-цзе. — Я пойду с тобой.

— Ладно, — согласился Сунь У-кун. — Тогда ты, Ша-сэн, оставайся, коня и вещи укрой в лесу и хорошенько охраняй их.

Ша-сэн остался. А Чжу Ба-цзе и Сунь У-кун с оружием в руках двинулись вперед.

Поистине:

Ребенок был не закален,

Нечистой поддавался силе,

Но обезьяна и Муму

Ему заботливо служили.

О том, какая судьба ждала наших героев на сей раз, вам расскажет следующая глава.